

Э.С. Саламанский

Церковная История

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Э1

Э1 **Э.С. Саламанский**
Церковная История / Э.С. Саламанский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 670 с.

ISBN 978-5-458-55815-0

Эрмий Созомен Саламанский (ок. 400—450 гг.) — византийский адвокат, раннехристианский писатель-историк, автор «Церковной истории». Константинопольский патриарх Фотий (IX век) оставил краткий отзыв о сочинении Созомена, заметив, что его литературный стиль лучше, чем у более раннего церковного историка Сократа Схоластика (ок.380-440). Созомен, создавая свою «Историю», многое заимствовал из «Церковной Истории» Сократа, однако передал содержание своими словами, не копируя буквально. Также Созомен в отличие от Сократа не сочувствовал учению Оригена и не разделял интереса к эллинской поэзии и философии. В качестве других источников Созомена исследователи отмечают Руфина, Евсевия, и др. По убеждениям Созомен представлял ортодоксальное направление в христианстве. Книга будет полезна всем, кто интересуется историей христианства и средних веков, поскольку в ней описана как церковная, так и политическая жизнь Римской Империи IV-V веков.

ISBN 978-5-458-55815-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КРАТКОЕ СЪВѢДѢНІЕ ОБЪ ЭРМІѢ СОЗОМЕНѢ

и

ЕГО ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

Эрміѣ Созоменѣ, подобно Сократу, у Фотія называется схоластикомъ ¹⁾; слѣдовательно, по роду гражданскихъ своихъ занятій, онъ принадлежалъ также къ сословію адвокатовъ, или стряпчихъ. Мѣстомъ его рожденія было селеніе Вевилія, лежавшее недалеко отъ Газы палестинской. По крайней мѣрѣ, въ этомъ селеніи дѣдъ Созомена, первый изъ своего рода, принялъ Христіанство и между окрестными Христіанами славился просвѣщеннымъ своимъ умомъ, знаніемъ божественныхъ Писаній и способностію объяснять казавшіяся темными мѣста ихъ ²⁾. Притомъ Созоменѣ былъ личнымъ свидѣтелемъ святой жизни Зенона ³⁾, занимавшаго епископскій престолъ въ Маіумѣ близъ Газы, слѣдовательно и самъ долженъ былъ жить въ тѣхъ мѣстахъ. Никифоръ, вмѣстѣ съ другими писателями, несправедливо утверждаетъ, будто отечествомъ Созомена надобно почитать Саламинъ — городъ на островѣ Кипрѣ. Поводомъ къ его догадкѣ служить только то, что Эрміѣ Созоменѣ называется также саламинскимъ, или правильнѣе, саламанскимъ; но это названіе, по всей вѣроятности, было фамильное, а не отечественное, какъ можно заключать изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Въ пятой книгѣ Церковной Исторіи Созоменѣ говорить, что дѣдъ его подвинутъ былъ

¹⁾ Phot. Cod. 30. p. 17. ²⁾ Sozom. L. V. c. 15. ³⁾ Sozom. L. VII. c. 28.

къ принятію христіанской вѣры чудеснымъ исцѣленіемъ одного своего родственника Алафіона, надъ которымъ до того времени напрасно истощаемы были всѣ средства врачебной науки, и котораго однимъ призываніемъ имени Божія исцѣлилъ нѣкто монахъ Иларіонъ, изгнавъ изъ него демона. Дѣти и внуки этого Алафіона отличались святостію жизни, нищелюбіемъ и другими добродѣтелями, строили также въ окрестностяхъ Газы монастыри и церкви. Позднѣйшіе изъ нихъ, наставленные вышеупомянутымъ Иларіономъ и избравшіе по-видимому родъ жизни монашеской, извѣстны были лично самому писателю Исторіи; ибо съ ними онъ обращался еще въ своемъ дѣтствѣ и этихъ родственниковъ называетъ братьями—Саламаномъ, Фускономъ, Малхіономъ и Криспіономъ ¹⁾). Первый между ими, Саламанъ, вѣроятно былъ родоначальникомъ отдѣльнаго дома Саламанскихъ, къ которому принадлежалъ и Созоменъ. Обращеніемъ Созомена съ этими любителями подвижнической жизни и воспитаніемъ въ ихъ обществѣ, какъ увидимъ послѣ, хорошо объясняются и нѣкоторыя особенности написанной имъ Исторіи. Получивъ начальное воспитаніе подъ руководствомъ своихъ родственниковъ, Созоменъ предположилъ потомъ изучить судебное законовѣденіе и для этой цѣли переѣхалъ въ пограничный съ его отечествомъ, финикійскій городъ Беритъ ²⁾, въ которомъ процвѣтало знаменитое въ то время училище правовѣденія, въ исторіи церковныхъ событій памятное намъ, между прочимъ, и изъ жизни мученика Апфіана ³⁾). Неизвѣстно, сколько времени оставался онъ въ Беритѣ; но

¹⁾ *Sozom.* L. V. c. 32.

²⁾ *Valer.* de vit. et script. Socralis atque Sozomeni. p. XV.

³⁾ *Евсев.* II. О палестинскихъ мученикахъ. гл. 4.

послѣ того жилъ уже въ Константинополѣ, гдѣ приобрѣтенныя изъ науки познанія прилагалъ къ дѣлу, и занимался адвокатством¹⁾.

Первымъ опытомъ собственно литературныхъ трудовъ Созомена было—сокращеніе Церковной Исторіи отъ Рождества Христова до низверженія Ликинія²⁾: но это сочиненіе его до насъ не дошло. Потомъ онъ написалъ Церковную Исторію другаго періода времени, долженствовавшую служить продолженіемъ его Сокращенія и предлагаемую нынѣ читателямъ въ русскомъ переводѣ. По предназначенію писателя³⁾, она должна была обнимать событія Церкви отъ третьяго консульства кесарей Криспа и Константина до семнадцатаго консульства Θεодосія Младшаго, то-есть, отъ 324 до 439 года; но на самомъ дѣлѣ этотъ трудъ оканчивается 415 годомъ. Изъ этого видно, что Созоменъ не совсѣмъ выполнилъ свое предназначеніе, и предпринятое сочиненіе довести до конца, вѣроятно, не позволила ему смерть. Нѣкоторыя обстоятельства даютъ также основаніе для догадки, въ которое именно время Созоменъ писалъ свою Исторію. Онъ посвящаетъ ее Θεодосію Младшему и, въ своемъ посвященіи восхваляя царя, говоритъ, что Θεодосій, во время похода въ Ираклію понтійскую, палимый зноемъ и засыпаемый пылью, не хотѣлъ принять подносимый ему прохладительный напитокъ, размышляя, что въ его войскѣ никто не отказался бы утолить свою жажду подобною жидкостію, и однакожъ войны лишены этого удовольствія. Приводимое здѣсь обстоятельство въ похвалу Θεодосія относится, какъ извѣстно, къ 443 году; слѣдовательно Созоменъ началъ писать свою Исторію послѣ сего времени. А продолжался его трудъ далѣе 446

¹⁾ *Sozom.* L. II. c. 3. ²⁾ *Ibid.* L. I. c. 1. ³⁾ *Ibid.* proleg.

года; потому что въ послѣдней книгѣ онъ упоминаетъ о константиновольскомъ епископѣ Проклѣ, какъ объ архипастырѣ уже умершемъ; но Прокль умеръ въ 446 году.

Изагая Исторію Церкви, Созомень, по всей вѣроятности, имѣлъ предъ глазами Церковную Исторію Сократа и заимствовалъ изъ ней особенно описаніе тѣхъ лицъ и событій, которыя относились къ новаціанской сектѣ. Это видно изъ похвалъ, расточаемыхъ въ его сочиненіи новаціанскимъ епископамъ. Но личнаго пристрастія къ ученію сихъ еретиковъ онъ конечно не имѣлъ, потому что во многихъ случаяхъ порицаетъ жестокосердіе новаціанъ къ согрѣшившимъ ¹⁾). Притомъ, его Исторія вездѣ сохраняетъ свой особенный характеръ, котораго отличительныя черты видны частію въ духѣ и направленіи повѣствованія, частію въ предпочтительномъ развитіи извѣстныхъ историческихъ предметовъ. Въ томъ и другомъ отношеніи трудъ Созомена надобно понимать, какъ необходимое и весьма важное пополненіе сочиненія Сократова. Воспитанный подъ руководствомъ благочестивыхъ подвижниковъ, Созомень на всѣ—даже виѣщія происшествія постоянно смотритъ съ нравственной и религіозной точки зрѣнія и съ особенною полнотою излагаетъ тѣ историческія событія, которыя касались египетскихъ, сирскихъ, палестинскихъ, понтійскихъ, арменскихъ и озроенскихъ пустынниковъ, чего у Сократа почти вовсе нѣтъ. Но съ другой стороны, превосходя Сократа обширностію и разнообразіемъ матеріаловъ, онъ, по суду Фотія ²⁾), уступаетъ ему въ строгости сужденія. Тоже почти надобно сказать и о языкѣ Созомена. Языкъ Исторіи Созоменовой нарядвѣе, чѣмъ языкъ Сократа; но за то ему недостаетъ простоты и точности языка Сократова.

¹⁾ *Sozom.* I. I. c. 22. L. VII. c. 16. ²⁾ *Phot. Cod.* 30. p. 17.

ЭРМІЯ СОЗОМЕНА САЛАМИНСКАГО

СЛОВО ЦАРЮ ФЕОДОСИЮ.

■

СОДЕРЖАНІЕ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

Говорятъ, что у древнихъ самодержцевъ бывалъ (всегда) какой нибудь предметъ заботы: кто любилъ украшенія, — у тѣхъ порфира, вънець и тому подобное; кто заботился о краснорѣчии, — у тѣхъ какое нибудь баснословное стихотвореніе или очаровательная повѣсть; кто упражнялся въ воинскомъ дѣлѣ, — тѣ старались мѣтко пускать стрѣлу, повергать звѣря, бросать копьѣ или всакивать на коня. И ко двору представлялся всякій, могшій доставитъ повелителю, что было ему любезно: одинъ приносилъ рѣдкій камень, другой предлагалъ блестящую краску для порфиры; тотъ посвящалъ стихотвореніе или повѣсть; этотъ открывалъ новый и необыкновенный способъ вооруженія. Величайшимъ же и царскимъ (сокровищемъ) считалось, если повелитель всѣхъ пріобрѣталъ хотя одну частицу общественной добродѣтели. А о благочестіи, истинномъ украшеніи царствованія, ни у кого тогда не было заботы. Напротивъ ты,

державный царь Θεодосій, говоря кратко, при помощи Божіей, стяжалъ всякую добродѣтель. Для зрителей облакался въ порфиру и вѣнецъ—символы (твоего) достоинства, внутренно ты всегда облакаешься истиннымъ украшеніемъ царствованія—благочестіемъ и челоуѣколюбіемъ. Посему поэты, повѣствователи, многіе изъ твоихъ градоначальниковъ и другіе подданные непрестанно трудятся надъ прославленіемъ тебя и твоихъ дѣйствій. И ты, какъ верховный судія и цѣнитель словесныхъ произведеній, не обманываешься въ сужденіи какимъ-нибудь высокопарнымъ словомъ или внѣшностію, но приносишь мнѣніе вѣрно, обращая вниманіе и на сообразность языка съ предметомъ сочиненія, и на форму рѣчи, и на части, и на порядокъ, и на согласіе, и на выраженіе, и на связность, и на доказательства, и на мысли, и на исторію. А награждаешь сочинителей и своимъ сужденіемъ, и рукоплесканіями, и золотыми изображеніями, и выставкою ихъ статуй, и дарами, и разнообразными почестями. Въ отношеніи къ сочинителямъ ты являешься такимъ, какими не были ни древніе Критяне въ отношеніи къ тому пресловутому Гомеру, ни Алевады въ отношеніи къ Симониду, ни сицилійскій тираннъ Діонисій въ отношеніи къ Платону, другу Сократову, ни Филиппъ македонскій въ отношеніи къ летописцу Θεопомпу, ни кесарь Северъ въ отношеніи къ Оппіану, описавшему въ сти-

хахъ роды рыбъ, ихъ свойства и ловлю. Ибо Критяне, наградивъ Гомера за краснорѣчіе тысячею монетъ и хвалясь этимъ, будто чрезвычайною щедростію, предали ее памяти потомства на публичномъ столбѣ. Алевады, равно какъ Діонисій и Филиппъ, были бы не молчаливѣе Критянъ, уважаемыхъ за мирный и философскій порядокъ жизни, и, по подражанію, не замедлили бы поставить такой же столбъ, елибы подобнымъ даромъ не боялись унижить себя. А Северъ, за каждый стихъ посредственной поэмы Опціана, подарилъ ему по золотой монетѣ и до того изумилъ всѣхъ этою щедростію, что Опціановы стихи еще до нынѣ у многихъ называются золотыми. Таковы были дары древнихъ любителей науки и словесности. Что же касается до тебя, Государь, то въ награжденіи за словесныя произведенія, ты не уступаешь никому изъ бывшихъ когда-либо награждаемыхъ и, мнѣ кажется, дѣлаешь это не безъ цѣли; ибо, стараясь побѣдить всѣхъ добродѣтелями, ведешь себя къ усовершенствованію и для сего между прочимъ вникаешь въ исторію древнихъ происшествій у Грековъ и Римлянъ. Говорятъ, что днемъ ты занимаешься оружіемъ, упражняешь тѣло и распоряжаешься дѣлами подданныхъ, производя судъ, предписывая, что слѣдуетъ, разсматривая обязанности частныя и общественныя, а ночью читаешь книги и, для чтенія ихъ, какъ носится слухъ, пользуешься такою лампа-

дою, которая посредствомъ какого-то механизма сама собою подливаетъ масло въ свѣтильню,— чтобы никому изъ придворныхъ не нужно было озабочиваться твоими трудами и насиловать природу борьбою со сномъ. Такъ ты человеколюбивъ, такъ кротокъ и къ приближеннымъ, и ко всѣмъ, подражая твоему заступнику, небесному Царю, Которому благоугодно дождитъ на праведныхъ и неправедныхъ, сіять своимъ солнцемъ (для всѣхъ) и доставлять безъ скупости все всѣмъ. Вѣроятно, чрезъ такое-то многоученіе узналъ ты, какъ слышио, и свойство камней, и силы корней, и дѣйствія лекарствъ,— не менѣе мудрѣйшаго Соломона, сына Давидова. А добродѣтелями и его превосходишь; ибо, сдѣлавшись рабомъ удовольствій, онъ не до конца сохранилъ благочестіе,— причину своихъ благъ и мудрости; а ты, державный, сластолюбію противопоставивъ воздержный помысль, по справедливости считаешься самодержцемъ не только людей, но и страстей души и тѣла. И если уже надобно сказать даже объ этомъ, то я узналъ, что ты побѣждаешь всякую прихоть въ пищѣ и питіи, и ни сладкія фиги, говоря поэтически, ни другой какой плодъ не могутъ плѣнить тебя. Много, что ты коенешься ихъ и отвѣдаешь, благословивъ напередъ Творца всяческихъ. Привыкши господствовать надъ жаждою, зноемъ и холодомъ въ ежедневныхъ подвигахъ, ты воздержаніе, кажется, обратилъ въ свою природу. Недавно

еще, свѣша видѣть въ Поитѣ городъ Ираклею и возстановить въ немъ все, что пострадало отъ времени, ты предпринималъ лѣтнее путешествіе по Вионніи. И когда, во время полуденнаго солнечнаго зноя, одинъ изъ копъеносцевъ, увидѣвъ тебя, покрытаго пылью и обливаемаго потомъ, посѣвшиль доставить (тебѣ) удовольствіе, — поднесъ тебѣ ярко отражавшую лучи солнца чашу съ какимъ-то пріятнымъ напиткомъ, разведеннымъ холодною водою: то ты, державный, хотя и принялъ ее и похвалилъ того челоуѣка за усердіе, давая знать, что скоро облагодѣтельствуешь его съ царскою щедростію; но такъ какъ все воины съ жадностію смотрѣли на чашу и того почитали счастливымъ, кто станетъ пить изъ ней, то великодушно возвратилъ ему напитокъ и приказалъ употребить его, какъ угодно. Поэтому, мнѣ кажется несомнѣннымъ, что своими добродѣтелями ты побѣдилъ даже Александра Филиппова. Почитатели его говорятъ, что, когда онъ путешествовалъ съ Македонянами по безводному мѣсту, — одинъ усердный воинъ, нашедши воду, зачерпнулъ ее и принесъ своему государю; но принесенной онъ воды самъ хотя и не сталъ пить, однакожь вылилъ ее. Кратко сказать, мы вправѣ назвать тебя, по выраженію Гомера, царемъ царственнѣ твоихъ предшественниковъ: ибо пиye изъ нихъ, какъ извѣстно, не пріобрѣли ничего достойнаго удивленія; а другіе прославили свое царствованіе развѣ однимъ или

двумя подвигами. Напротивъ ты, державный, соединяя всѣ добродѣтели, всѣхъ превзошелъ и благочестіемъ, и человѣколюбіемъ, и мужествомъ, и воздержаніемъ, и правдою, и щедротою, и свойственнымъ царскому достоинству великодушіемъ. Твое только управленіе, изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ въ продолженіе цѣлаго вѣка, прославляется какъ безкровное и не запятнанное убійствами. Ты съ удовольствіемъ учишь подданныхъ всему доброму и внушаешь имъ—усердіе къ тебѣ и къ обществу доказывать благожеланіемъ и почтеніемъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, приступая къ изложенію церковной исторіи, я счелъ нужнымъ посвятить ее тебѣ; ибо кому съ бѣльшимъ приличіемъ могъ бы я поднести свой трудъ, намѣреваясь изобразить добродѣтели многихъ и Богоподобныхъ мужей, описать событія вселенской Церкви и показать, сколько встрѣчала она враговъ и какъ всегда находила покровительство у тебя и твоихъ предковъ? Ты, знаешь все и украшаешься всѣми добродѣтелями, а особенно благочестіемъ, которое, по слову Божію, есть начало премудрости. Прими же отъ меня это сочиненіе, размотри его и, по указанію вѣрнаго твоего взгляда, сдѣлавъ прибавки и исключенія, сообщи ему своими трудами надлежащую чистоту; ибо чтò покажется хорошимъ тебѣ, то будетъ полезно и превосходно для всѣхъ читателей. Никто не наложитъ перста на то, что искушено тобою. Мое